

The image is a book cover for 'The Nemesis Sword. Book 1'. It features a central figure, Alexander Aronov, who is a young man with dark, spiky hair and a serious expression. He is wearing a dark, worn, and tattered jacket with a high collar and a choker. He is holding a long, dark spear with a sharp, metallic tip. The background is a dark, industrial or post-apocalyptic setting with a cloudy sky. The text 'Александр Аронов' is at the top, and 'Меч Немезиды. Книга 1' is in the center. At the bottom left, there is a rating box, and at the bottom right, there is an '18+' age rating icon.

Александр Аронов

Меч Немезиды.
Книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Аронов

Меч Немезиды. Книга 1

<https://litres.ru/73980903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир погиб в огне. Цивилизация обратилась в пепел, великие города стали братскими могилами, а человечество отброшено назад — не к чести былых эпох, а к первобытному страху, голоду и грызне за остатки ресурсов. Здесь правят не короли и не маги, а жестокость, прагматизм и инстинкт самосохранения.

Роман — раб в лагере рейдеров. Восемь лет он выживает на кровавой арене, где проигравший идёт на мясо. У него нет свободы, нет оружия, нет ничего, кроме ошейника на шее и цели, ради которой он ещё дышит.

Постапокалиптический мир, где аугментации Золотого века превратились в проклятие, где за глоток воды убивают не задумываясь, а эсперы — люди с паранормальными способностями — стали самым ценным и самым опасным товаром. История выживания, рассказанная без прикрас: с кровью, потом и отчаянной надеждой на каждой странице.

Содержание

Глава 1. Архивариус. Пролог.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Аронов

Меч Немезиды. Книга 1

Глава 1. Архивариус. Пролог.

Ты хочешь знать, сколько мне лет. Я не скажу, потому что сам не помню. Когда счёт переваливает за четвертую сотню, цифры теряют вкус. Они становятся как песок, которым забит рот после пыльной бури: чувствуешь, что он есть, но не считаешь песчинки. Скажу только, что я родился за тридцать лет до того, как небо загорелось. Это было в две тысячи четыреста шестьдесят первом году. Сейчас я смотрю на свои руки — и это не руки. Это корни мёртвого дерева, обтянутые пергаментом, испещрённые шрамами и буграми вен. Под этим пергаментом, в толще костей, до сих пор работают они. Наноботы-чистильщики. Микроскопические твари Золотого века, которые не дают мне сдохнуть уже пятую сотню лет. Я чувствую их, когда ложусь спать: лёгкое покалывание, вечное зудение жизни, которая отказывается угасать. Смешно. Когда-то люди платили корпорациям целые состояния за такую «медицинскую вечность». Теперь я — ходячий реликт, который проклинает её каждое утро, когда просыпается.

Ты не застал Золотой век. И слава богу. Тебе не с чем

сравнивать, и в этом твоё единственное преимущество передо мной. Твои кошмары — это мутанты, голод, рейдеры. Мои кошмары — это воспоминания о мире, которого больше нет. Я хожу по этим руинам и вижу не ржавый остов небоскрёба, а жилую башню, в которой когда-то жила моя семья. Я иду по оплавленной дороге — и помню, как по ней скользили бесшумные гравикары. Я слышу вой кролеволка — и мой мозг предательски подсовывает мне лай соседской собаки. Той самой, которую я кормил с руки. Это и есть проклятие долгой жизни: ты становишься кладбищем, по которому бродят призраки.

До войны я был никем. Не военным, не политиком, не учёным. Я был инженером по биокибернетическим интерфейсам. Гражданским специалистом, который налаживал связь между человеческим мозгом и корпоративными ИИ. Скучная работа, если вдуматься. Тысячи диагнозов, отладка нейро-сопряжений, литры выпитого кофе в офисах, которые сейчас засыпаны радиоактивным пеплом. У меня были жена и дочь. Имена? Не проси. Я запретил себе произносить их вслух двести лет назад, когда понял, что голос мой начинает дрожать, а глаза — слезиться. Это непозволительная роскошь для того, кто живёт в аду. Скажу только, что дочь любила рисовать. У неё были краски, настоящие, на масляной основе. В мире, где всё стало цифровым, она рисовала руками. Я храню один из её рисунков в нейроинтерфейсе. Он вшит в мою память, и я вызываю его по ключевому слову.

Но не вызываю. Уже очень давно не вызываю.

Когда началась война, я был в командировке. Где-то на бывшем Урале, в подземном исследовательском комплексе корпорации «Нова-Ген». Мы отлаживали интерфейс для нового поколения пси-блокаторов — тогда ещё никто не знал, зачем они понадобятся военным. Нам говорили: «Это для безопасности». Нам всегда говорили «это для безопасности». А потом включились сирены. Не те, к которым мы привыкли во время учений. Другие. Настоящие. И голос главного ИИ комплекса — сухой, безэмоциональный, как и положено машине — сообщил, что зафиксирован массированный запуск баллистических ракет по всем стратегическим целям. Я помню, как один из моих коллег, молодой генетик по имени Артём, спросил: «Это ошибка?» ИИ ответил: «Ошибка исключена. Количество зафиксированных целей превышает десять тысяч. Расчётное время подлёта первой волны — семнадцать минут». Семнадцать минут. Ты можешь представить, что такое семнадцать минут? Мы стояли в конференц-зале, пили кофе, смотрели на голографическую карту, на которой красные точки ползли через океаны. И ничего не могли сделать. Ни-че-го. Артём заплакал. Кто-то побежал звонить родным, но связь уже легла. Я просто сел. Я смотрел на эту карту и думал: «Значит, вот так. Без предупреждения. Без смысла. Из-за кристаллов, которые нужны были, чтобы мы не умирали от собственных имплантов». Ирония, от которой до сих пор сводит скулы: война за ре-

курс, который продлевал жизнь, убила миллиарды.

Мы не услышали взрывов. Комплекс был слишком глубоко. Но мы почувствовали. Сначала — низкий, утробный гул, от которого завибрировали пломбы в зубах. Потом — толчок. Потом ещё один. И ещё. Земля стонала. Бетонные стены трещали. Свет моргнул и переключился на аварийный, багровый. Где-то наверху, в ста пятидесяти метрах скального грунта, целые континенты превращались в стекло и пепел. Города, в которых жили миллионы, испарялись за секунды. Океаны вскипали. А мы сидели в бетонной коробке и слушали, как умирает мир. Это был звук, который я не смогу забыть, даже если прикажу наноботам выжечь соответствующие нейроны. Низкий, протяжный гул. Как будто сама планета кричала.

Потом наступила тьма. Не та, что ночью. Та, что всегда. «Долгая ночь» — так её назовут потом. Сто пятьдесят два года. Для меня — вечность, спрессованная в череду одинаковых дней. Первые годы мы ещё ждали, что кто-то придёт. Что правительство восстановит порядок. Что прилетят спасательные дроны, откроются бункеры, заработает связь. Мы были наивны. Мы думали, что война — это временно. Что после войны всегда наступает мир. Мы не понимали, что война, которую развязали корпорации, не предполагала мира. Она предполагала тотальное уничтожение конкурента. А когда уничтожаешь конкурента, не оставляешь его заводы, склады и лаборатории. Ты стираешь их с лица земли. Даже

ценой того, что и твои собственные заводы сотрут в ответ. Это логика безумцев, но безумцы и нажали на кнопки.

Комплекс жил своей жизнью. Автономные реакторы, синтезаторы пищи, регенераторы воздуха — всё работало исправно. Нас было сорок три человека. Сорок три души, запертые в подземной могиле, пока наверху ядерная зима вымораживала планету до минус сорока. Мы пытались жить. Пытались поддерживать дисциплину, распределять обязанности, учить детей, которые родились уже под землёй. Но замкнутое пространство — худший враг человеческой психики. Через пять лет случилось первое убийство. Через десять — первое самоубийство. Через двадцать лет нас осталось восемь. Восемь стариков, которые уже плохо помнили, зачем продолжают существовать. А потом запасы синтезатора подошли к концу, и мы открыли шлюзы.

Я вышел на поверхность в две тысячи пятьсот сороковом году. До первого рассвета оставалось ещё сто три года. Небо было не чёрным. Оно было серо-жёлтым, цвета застарелого синяка. Радиоактивная взвесь висела так плотно, что фонарь не пробивал её и на десять метров. Вокруг стояли окаменевшие деревья. Не мёртвые — именно окаменевшие, пропитанные солями и радиацией настолько, что не гнили, а стояли, как надгробья самим себе. Ни звука. Ни птицы. Ни ветра. Тишина была такой глубокой, что я слышал, как бьётся моё собственное сердце. И как зудят наноботы под кожей, латая очередную микротрещину в сосудах. Я сделал шаг. Потом

ещё один. Снег, серый от пепла, хрустнул под ботинком. И в этой тишине этот хруст показался мне громче, чем все взрывы, которые я когда-либо слышал. Потому что это был звук жизни. Моей жизни. Единственной жизни на многие километры вокруг.

Остальные семеро вышли следом. Мы стояли на руинах мира и не знали, что делать. Никто из нас не был выживальщиком. Мы были инженерами, генетиками, программистами. Мы не умели охотиться, не умели ставить силки, не умели отличать съедобный мох от ядовитого. Мы учились этому ценой жизней. Через месяц нас было пятеро. Через год — трое. Через три года я остался один. Последний из сорока трёх. Я похоронил их всех в окаменевшей земле, долбя мёрзлый грунт обломком арматуры. И пошёл дальше. А что мне ещё оставалось? Наноботы продолжали работать. Сердце продолжало биться. Лёгкие продолжали дышать отравленным воздухом. Я шёл через мёртвый континент, и каждый шаг отзывался во мне единственным вопросом: «Почему я?» Я не был лучшим. Не был сильнейшим. Не был умнейшим. Я просто оказался достаточно живуч, чтобы мои импланты не отказали, а наноботы не исчерпали ресурс. Слепая случайность. Генетическая лотерея, в которой я выиграл билет в вечность без права на выход.

За следующие сто лет я обошёл полмира. Я видел вещи, от которых твой рассудок, выживший, свернулся бы в узел. Я видел города, которые превратились в стеклянные озёра. Я

видел мутантов, которые когда-то были людьми, а стали ходячими кусками плоти с одним глазом посреди груди. Я видел подземные бункеры, в которых люди заживо съели друг друга. Я видел караваны рейдеров, которые везли клетки с детьми на продажу. Я видел эсперов, которых сжигали заживо суеверные толпы. Я видел, как последние крупницы человечности таяли в этом аду, как снег под радиоактивным дождём. И я ничего не мог изменить. Я был наблюдателем. Хроникёром без аудитории. Стариком, который идёт сквозь века и запоминает. Только для того, чтобы однажды рассказать тебе.

А потом, весной две тысячи шестьсот сорок третьего года, небо прочистилось. Я стоял на обломках эстакады где-то в том, что раньше называлось Сибирью, и вдруг увидел свет. Не серое марево, не тусклое зарево пожара. Солнце. Бледное, желтоватое, словно само ещё не оправившееся от болезни. Но это было солнце. Я задрал голову и смотрел на него, пока не заболели глаза. По моим щекам текли слёзы. Впервые за сто пятьдесят два года. Это не были слёзы радости. Это были слёзы скорби по всему, что я потерял. По жене, которая осталась где-то там, в огне. По дочери, чей рисунок я так и не решаюсь открыть. По сорока двум товарищам, чьи кости я закопал в мёрзлую землю. По миру, который умер и уже никогда не возродится.

Первый рассвет. Ты думаешь, он принёс надежду? Да, принёс. Но и ужас тоже. Потому что когда рассеялась тьма,

на поверхность выползли не только те, кто прятался в бункерах. Выползли рейдеры. Выползли мутанты. Выползли люди, которые за полтора века под землёй забыли, что значит быть людьми. Я видел, как из шлюзов выходили дети, никогда не видевшие неба. Они щурились, плакали, прятались обратно. Их кожа была белой, как молоко, а глаза не выносили даже этого бледного света. Они родились во тьме и боялись солнца. И многие из них умерли в первые же недели — от инфекций, к которым не было иммунитета, от радиации, от клыков хищников. Те, кто выжил, стали новым человечеством. Жестоким, диким, закалённым. Твоим человечеством. А я остался пережитком эпохи, которая канула в пепел. Ходячим музеем. Живым свидетелем.

За следующие десятилетия мир обрёл свои новые очертания. Поселения за стенами. Рейдерские банды. Контрабандисты, везущие Supprex. Охота на эсперов. Каннибалы, верящие, что плоть одарённого дарует силу. Я прошёл через всё это. Я видел сотни историй. Большинство из них — кровавые, грязные, бессмысленные. Большинство людей, которых я встречал, были зверьми в человеческой шкуре. Но не все. Запомни это. Не все. Потому что именно это я и хочу тебе рассказать. Историю о тех, кто не сломался.

За пятьсот лет я видел только одну группу, которая по-настоящему изменила ход вещей. Не спасла мир — мир спасти уже нельзя. Но создала что-то, что стояло десятилетиями после них. Что-то, что внушало ужас рейдерам и давало

надежду простым людям. Я говорю о «Мече Немезиды». Ты, может, слышал это название. А может, и нет. В ваше время оно уже стало легендой. Но я видел всё своими глазами.

Я встретил их в году... дай-ка вспомнить. Примерно две тысячи шестьсот семидесятый. Может, шестьдесят девятый. Говорю же, цифры теряют вкус. Но это было примерно через тридцать лет после Первого рассвета. Мир уже обрёл свои новые, уродливые очертания. На руинах старых мегаполисов выросли поселения-крепости. Рейдерские банды сформировали целые кланы — «Псы Пустоши», «Железный Кулак», «Дети Пепла»... Громкие названия, за которыми скрывались обычные убийцы и каннибалы. Контрабандисты проложили первые караванные тропы через радиоактивные пустоши. Эсперов отлавливали и продавали, как скот. Я тогда держался особняком. Бродил от поселения к поселению, менял знания на еду и патроны. Да, именно знания. Я был ходячей энциклопедией Золотого века. Я мог починить старый реактор, перенастроить гидропонную ферму, откалибровать нейроинтерфейс. В мире, где техническая документация сгорела вместе с серверами, моя память была ценнее золота. Меня называли Архивариусом. Смешное прозвище для старика, который просто слишком долго живёт. Иногда меня пытались убить. Чаще — пытались захватить в плен и заставить работать. Пару раз даже почти удалось. Но я научился исчезать раньше, чем за мной приходили. Пятьсот лет практики — неплохая школа выживания.

В тот год я шёл через Пустошь Гнили. Так называли останки Новосибирска — одного из мегаполисов, по которому пришёлся особенно плотный удар. Город представлял собой лабиринт из оплавленных небоскрёбов, засыпанных радиоактивной пылью. Бетон крошился под ногами. Арматура торчала из стен, как рёбра дохлого зверя. Воздух пах озоном и гнилью — где-то глубоко под завалами разлагались старые бункеры с теми, кто не успел открыть шлюзы. По ночам в руинах выли мутанты — кролеволки, крысы-переростки и кто-то похуже, кого я предпочитал не встречать. Я шёл туда не от хорошей жизни. Мне нужен был Suprrex. Вернее, не сам Suprrex — мои наноботы каким-то чудом научились синтезировать его из моих собственных клеток ещё лет сто назад. Но мне нужны были детали для перезарядки: редкоземельные металлы, которые можно добыть только из старых медицинских бункеров. А в Пустоши Гнили, по слухам, находился один из таких бункеров — законсервированный, нетронутый, ждущий, пока кто-нибудь достаточно отчаянный или достаточно глупый не попытается его вскрыть. Я был и тем, и другим.

Три дня я пробирался через руины. Питался сушёным мхом, запивал радиоактивной водой, которую фильтровал через самодельный угольный фильтр. Спал урывками, прислушиваясь к каждому шороху. На четвёртый день я вышел к площади, которая когда-то называлась площадью Ленина. Сейчас на ней лежал опрокинутый памятник — бетонный

исполин, вмёрзший лицом в асфальт. Вокруг памятника догорали костры. Десятка два костров, разбросанных по периметру площади. А между ними двигались люди. Много людей. Слишком много для рейдерского лагеря. Я притаился за обломком стены и стал наблюдать. Это вошло в привычку за пятьсот лет: сначала наблюдай, потом делай выводы, потом действуй. И только если выводы окажутся неверными — беги.

Первое, что бросилось в глаза — чистота. Нет, не одежды. Одежда у них была рваная, латаная, собранная из кусков старого камуфляжа, кожаных курток и противорадиационных комбинезонов. Чистота была в организации. В том, как стояли часовые. В том, как горели костры — ровно, экономно, без лишнего дыма, который мог бы привлечь мутантов. В том, как двигались люди — чётко, без суеты, каждый знал своё дело. Я видел, как группа из шести человек разгружает трофейный вездеход, снимая с него ящики с маркировкой «Supprex — экстренный запас». Я видел, как двое бойцов тренируются в рукопашном бою на расчищенном пяточке — и это была не пьяная драка, а настоящая отработка приёмов, с блоком, уходом, контратакой. Я видел женщину, которая перевязывала раненого — и делала это с такой сноровкой, что становилось ясно: передо мной полевой хирург, а не просто сердобольная душа. И я видел детей. Детей! В рейдерском лагере детей не бывает. Их либо съедают, либо продают, либо, в лучшем случае, превращают в маленьких рабов.

Здесь дети сидели у костра, и старый солдат с седой щетиной показывал им, как чистить автомат. Не для того, чтобы они становились убийцами. А для того, чтобы они выжили.

Я пролежал в укрытии час. Может, два. А потом услышал шаги за спиной. Тихие, почти неслышные — так ходит только тот, кто родился в тайге и вырос среди мутантов. Я обернулся. Передо мной стоял молодой парень. Лет восемнадцать, может, чуть старше. Одет в потёртую кожаную куртку без рукавов. За спиной — самодельный лук, но не примитивный, а усиленный биокибернетическими сервоприводами, явно снятыми с чьего-то импланта. На поясе — охотничий нож с потёртой рукоятью. А на лице — улыбка. Не угрожающая, не нервная. Просто улыбка, лёгкая, как будто мы старые знакомые и встретились на прогулке, а не посреди радиоактивных руин.

— Замёрз, старик? — спросил он. Голос спокойный, с хрипотцой. — У нас у костра теплее. И жратва есть. Не деликатес, конечно, но с голодухи сойдёт.

Я ничего не ответил. Я смотрел на него. На то, как он стоит — расслабленно, но вес смещён на опорную ногу, готовый в любой момент уйти в перекат. На то, как его глаза сканируют меня, моё оружие, мои импланты, мою позу. На то, как его пальцы лежат на рукояти ножа — не сжаты, но в миллиметре от захвата. Этот парень был молод, но он уже прошёл через ад. Я сразу это понял. По тому, как он не сводил взгляда с моих рук. По тому, как стоял — так, чтобы между нами

всегда оставалось расстояние вытянутой руки плюс нож. По тому, как улыбался — открыто, но эта открытость была броней, за которой скрывался расчёт.

— Ты не рейдер, — сказал я наконец.

— Нет, — ответил он, и улыбка стала чуть шире. — Ты Архивариус. Я про тебя слышал. Старик, который помнит старый мир. Нам такой нужен.

— Кому это «нам»?

— Пойдём, покажу. Если задумаешь кого убить — умрёшь раньше, чем схватишься за оружие. Если попытаешься украсть — отрежем руки. Если будешь вести себя нормально — накормим, обогреем и поговорим. Устраивает?

Я посмотрел на него ещё раз. На эту улыбку. На этот нож. На эти глаза, которые успели просчитать десять вариантов моего поведения, пока он говорил. И вдруг понял, что за последние двести лет мне впервые стало интересно. По-настоящему интересно, что будет дальше. Я кивнул. Он повернулся и пошёл к кострам, не оглядываясь. То ли доверял, то ли знал, что я не выстрелю в спину. Второе вероятнее.

Лагерь встретил меня настороженными взглядами. Мужчины и женщины — всего около полусотни человек — смотрели на меня с тем особым выражением, которое я хорошо знал. Так смотрят на чужака, который ещё не доказал, что он не угроза. Но никто не схватился за оружие. Никто не заорал. Никто не сплюнул под ноги. Молодой парень провёл меня к центральному костру, самому большому, вокруг ко-

того сидело несколько человек. Я сразу понял, что это командиры. Не потому, что у них были погоны или знаки отличия. А потому, как на них смотрели остальные. С уважением. С готовностью выполнить любой приказ. С тем особым спокойствием, которое бывает только у людей, знающих: их лидер не подведёт.

И среди них я впервые увидел её. Девушку. Молодую, примерно того же возраста, что и парень. Они были похожи — те же скулы, тот же разрез глаз. Брат и сестра, сразу понял я. Но если он был живым, подвижным, улыбчивым, то она казалась его полной противоположностью. Она сидела у огня, скрестив ноги, и смотрела на пламя. Даже когда я подошёл, она не сразу подняла взгляд. А когда подняла, у меня перехватило дыхание. Её глаза были не просто пронзительными. Они были... другими. Я видел много эсперов за свою жизнь. Я видел, как загораются их глаза, когда они применяют силу. Но её глаза светились постоянно. Слабо, едва заметно — как тлеющий уголёк в глубине зрачков. Это был признак огромной, нерастраченной силы. Силы, которую она держала под контролем каждую секунду своего существования. Я понял: передо мной эспер высокого уровня. Минимум Е-2, а скорее всего — Е-3. И судя по тому, как парень держался рядом с ней, как он иногда бросал на неё быстрые взгляды — не проверяющие, а оберегающие — он тоже был эспером. Или, по крайней мере, знал о её даре и принял его.

— Меня зовут Роман, — сказал парень, усаживаясь рядом

с девушкой и кивая мне на свободное место. — Это Алина. Моя сестра. Мы тут вроде как... старшие. Не по званию, а по тому, что больше некому. Садись, Архивариус. Разговор будет долгим.

Я сел. Кто-то сунул мне в руки миску с горячей похлёбкой — настоящей, из гидропонных овощей и мяса мутанта. Я ел и слушал. И чем дольше я слушал, тем яснее понимал: эти люди — не просто очередная банда выживших. Они — зародыш чего-то большего. Чего-то, чего я не видел уже очень, очень давно. Они говорили о порядке. О законе. Не о том законе, который был в старом мире — с судами, адвокатами и сроками заключения. О новом законе. Законе пустошей. Ключевые правила простые: не убивай без причины, не воруй у своих, не насилуй, защищай тех, кто не может защитить себя. Нарушил — пуля в голову. Без суда, без апелляции. Жестоко? Да. Но в мире, где каждый второй — потенциальный каннибал, только такой закон и работает. И эти правила, как я узнал позже, они не просто придумали. Они их вбили в реальность. Рейдеры, которые привыкли грабить безнаказанно, вдруг начали находить своих разведчиков мёртвыми. С запиской, приколотой к груди: «За нарушение закона». Караваны, которые они сопровождали, доходили до цели в целости. Поселения, которые просили защиты, получали её — не за плату, а за обязательство жить по их правилам.

— Мы назовём это «Меч Немезиды», — сказал Роман,

и его улыбка впервые стала жёсткой. — Знаешь, кто такая Немезида, старик? Богиня возмездия. Справедливости, которая настигает каждого, кто думает, что он выше закона. Рейдеры называют нас «законниками». Обычные люди зовут «шерифами». А мы — просто те, кому надоело терпеть.

Я слушал и чувствовал, как внутри меня что-то шевелится. Что-то, что я считал давно умершим. Надежда? Нет, не надежда. Скорее, признание. Я видел сотни попыток построить что-то на руинах старого мира. Все они проваливались. Одни — потому что были слишком идеалистичны. Другие — потому что были слишком жестоки и сами превращались в рейдеров. Третьи — потому что их уничтожали извне. Но эти двое... В них была не идеалистичность. В них была ледяная, расчётливая вера в то, что порядок можно навести. И не вера даже, а знание. А ещё в них была сила. Не только психическая сила Алины. Сила воли. Сила характера. Та самая стойкость, которая не ломается под ураганом, а гнётся и выпрямляется снова.

Они строили Цитадель. Я увидел её через полгода, когда снова набрёл на их след. На руинах проклятого мегаполиса, в остане бывшего небоскрёба, выросла крепость. Железобетонные стены, усиленные переплавленным металлом. Автономные турели, снятые со старых военных складов. Гидропонные фермы на защищённых этажах. Госпиталь с настоящим хирургическим оборудованием. Школа — да, школа, в которой учили детей читать, считать и стрелять. И над

всем этим витал дух порядка. Не казарменного, не тюремного. Дух общины, в которой каждый знает свой долг и выполняет его, потому что от этого зависит жизнь всех.

Их боялись. Рейдеры, которые ещё вчера считали себя хозяевами пустошей, теперь обходили сектор Цитадели за десять километров. Они рассказывали друг другу страшные истории о «законниках», которые появляются из ниоткуда и исчезают в никуда, оставляя после себя только трупы тех, кто нарушил их правила. Они шептались о том, что среди «законников» есть эсперы невиданной силы. Что их лидеры — брат и сестра — не просто эсперы, а что-то гораздо, гораздо большее.

Простые люди — те, кто жил в постоянном страхе перед рейдерами, мутантами и голодом, — говорили о «шерифах» с уважением. Иногда с надеждой. Иногда с суеверным трепетом. Потому что «Меч Немезиды» делал то, чего не делал никто другой: защищал. Не за плату, не за долю добычи, не за право рекрутировать твоих детей в свою армию. Просто защищал. Потому что это было правильно. Потому что таков был их закон.

А Братство Возрождения — одно из самых влиятельных бункерных сообществ, которое занималось сохранением знаний и технологий, — занесло их в свои легендарииумы. Я сам видел эти записи. «Меч Немезиды. Основан ориентировочно в 2670 году. Основатели: брат и сестра, имена — Роман и Алина. Предположительно, эсперы уровня Е-3 или

выше. Создали укреплённую цитадель на руинах мегаполиса. Установили свод законов, известный как Кодекс Немезиды. Организация просуществовала...» Дальше шли цифры, которые я не помню. Но главное — организация просуществовала. Десятилетия. Может, больше. Я не знаю точно, потому что покинул те края задолго до того, как история «Меча» подошла к своему финалу. Если у неё вообще был финал.

А теперь слушай самое главное. То, ради чего я рассказываю тебе всё это. Слухи. По пустошам до сих пор ходят слухи, что они живы. Роман и Алина. Брат и сестра. Те, кто стоял у истока «Меча Немезиды». Прошло уже много лет. Очень много. Я не знаю, сколько именно. Но время в пустошах течёт иначе, чем в старом мире. Иногда я слышу обрывки разговоров в караванных городах. Иногда — рассказы пьяных контрабандистов. Иногда — шёпот рейдеров, которые до сих пор боятся произносить их имена вслух. Говорят, они всё ещё где-то там. В руинах. В Цитадели, которая, возможно, всё ещё стоит. Или в каком-то другом месте, куда не добраться обычному человеку. Говорят, что они не постарели ни на день. Что их сила стала такой огромной, что они могут влиять на самую ткань реальности. Что они больше не люди, а что-то среднее между человеком, эспером и легендой.

Я не знаю, правда ли это. Я слишком стар, чтобы верить слухам. Но я слишком много видел, чтобы списывать их со счетов. Если кто и мог выжить в этом аду на протяжении

десятилетий, сохранив рассудок, силу и цель, — так это они. Если кто и мог стать легендой при жизни — так это они. Если кто и мог изменить мир, даже не спасая его, а просто заставив играть по своим правилам, — так это они.

Рейдеры до сих пор говорят о них шёпотом. Боятся, что «законники» вернуться. Что брат и сестра снова возьмутся за оружие. Что «Меч Немезиды» — не мёртвая легенда, а спящий вулкан, который может проснуться в любой момент. И я их понимаю. Я видел глаза Алины. Я видел, как Роман улыбается перед дракой. Я знаю, на что способны люди, которым надоело терпеть.

Вот моя история. Вернее, та её часть, которая имеет значение. Я рассказал тебе её не для того, чтобы развлечь. И не для того, чтобы ты побежал искать Цитадель. Я рассказал её, потому что она должна быть рассказана. Потому что такие истории — единственное, что у нас осталось от старого мира. Не технологии, не здания, не Suprhex. А истории о людях, которые не сломались.

Тогда у костра Роман рассказал мне свою историю, и я запомнил все. Садись ближе. Я расскажу тебе все с самого начала. Это было счастье обычное утро в лагере рейдеров. Роман тогда был...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.